УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.5.25.38

ПРЕДМЕТЫ С ГРАВИРОВКАМИ ИЗ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ Г. СЕМЕЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН[1]

© 2026 г. С.А. Ярыгин, В.К. Мерц, А.М. Каирмагамбетов, А.С. Жунисханов

В рамках исследования коллекции предметов, экспонируемых и хранящихся в фондах историко-краеведческого музея города Семей, были выявлены два уникальных артефакта с гравированными изображениями сложной сюжетной композиции. Предмет украшен гравировкой с последовательно развёрнутым сюжетом, в котором участвуют фигуры лучника, лошади, птицы и змеи. По совокупности стилистических и иконографических признаков пряслице может быть отнесено к сарматской культурной традиции. Второй артефакт, условно классифицируемый как предмет невыясненного назначения (ПНН), представляет собой уникальный объект с хорошо выраженными морфологическими характеристиками, не имеющий прямых аналогий в известных археологических материалах. Гравированные изображения на обоих изделиях относятся к художественным формам, получившим широкое распространение в сарматское и хуннуское время. Их стилистические и сюжетные параллели прослеживаются на обширной территории — от Понто-Каспийских степей до Южной Сибири и Монголии, что подчёркивает значимость находок для изучения культурных процессов эпохи раннего железного века.

Ключевые слова: археология, пряслице, предмет невыясненного назначения, гравировки, ритуалы, кочевники, сарматы, хунну, Центральная Азия, Средний Восток, Понто-Каспийские степи, Крым, Восточный Казахстан

ENGRAVED ITEMS FROM THE REGIONAL MUSEUM OF LOCAL HISTORY IN SEMEY, REPUBLIC OF KAZAKHSTAN[2]

S.A. Yarygin, V.K. Merts, A.M. Kairmagambetov, A.S. Zhunishanov

During study of the collection of objects exhibited and housed in the Museum of Local History in Semey, two unique artefacts bearing engraved images of a complex narrative composition were identified. One of the objects features an engraving depicting a sequential narrative, which includes the figures of an archer, a horse, a bird and a snake. Based on a combination of stylistic and iconographic features, this spindle whorl can be attributed to the Sarmatian cultural tradition. The second artifact – tentatively classified as an object of unknown purpose (OUP) is a unique piece with distinct morphological characteristics that has no direct parallels among known archaeological materials. The engraved imagery on both items belongs to artistic forms that were widespread during the Sarmatian and Xiongnu periods. Stylistic and thematic parallels can be traced across a vast territory – from the Pontic-Caspian steppes to Southern Siberia and Mongolia – underscoring the significance of these finds for the study of cultural processes during the Early Iron Age.

Keywords: archaeology, spindle whorl, object of undetermined purpose, engravings, rituals, nomads, the Sarmatians, the Xiongnu, Central Asia, Middle East, Pontic-Caspian steppes, Crimea, East Kazakhstan

Введение.

Восточный Казахстан и Прииртышье занимают особое место в археологии Казахстана и Центральной Азии, выступая одним из ключевых транзитных и культурно-коммуникационных регионов Евразии.

Географическое положение этой территории определяет её историческую роль: она располагается на стыке ареалов обитания степных кочевников сакского и хуннского периодов и горно-таёжных племён Южной Сибири. В этой связи регион выступает не только как пространство сосуществования

[1] Статья подготовлена по проекту BR 24992916 «Комплексные историко-археологические исследования области Абай»

[2]This article was prepared as part of project BR 24992916 "Comprehensive Historical and Archaeological Research in the Abai Region"

различных хозяйственно-культурных типов, но и как мост, через который осуществлялась трансляция культурных и технологических новаций.

В 2025 году научные сотрудники Института археологии им. А. Х. Маргулана провели комплексное исследование археологических коллекций, хранящихся и экспонируемых в историко-краеведческом музее города Семей, в рамках подготовки каталога археологических артефактов.

В ходе работы выполнено детальное описание и фотофиксация серии предметов, охватывающих хронологический диапазон от эпохи камня до Средневековья. В процессе изучения на ряде объектов, датированных бронзовым веком выявлены небольшие прорезанные или выбитые знаки геометрической формы, ранее систематизированные в несколько основных типов (Мерц, 2023; 2024). Этот факт послужил стимулом для более тщательного осмотра коллекций и привёл к обнаружению двух уникальных художественных гравировок, ранее не зафиксированных в научной литературе и неизвестных сотрудникам музея. Первая гравировка зафиксирована на пряслице, вторая — на предмете невыясненного назначения (ПНН). Оба объекта экспонировались в разделе, посвящённом раннему железному веку, что создаёт дополнительный исследовательский интерес с точки зрения хронологии и культурной атрибуции изображений.

Методы.

Предметы исследовались с применением стандартных научных методов. В работе использовались методологические приемы анализа и синтеза. В описание включены объективные данные в виде текста и дополняющие его иллюстрации. Применялся общепринятый в археологии сравнительный метод определения хронологии по аналогиям другим находкам из датированных погребальных комплексов. Использован стилистический анализ, с выделением системы ключевых признаков и изобразительных приемов. При исследовании гравированных изображений основополагающим стал сравнительно-аналитический метод, определяемый источниковедческим подходом к изображениям. Очистка одного из предметов осуществлялась органическим растворителем на основе ацетона. Перед началом для определения вероятных последствий он был нанесен небольшой участок, после чего предмет погружен в раствор, а затем обработан при помощи протирания и компрессов.

При подготовке статьи использовался ИИ ChatGPT 4 для исправления грамматических и стилистических ошибок.

Материалы.

Первый предмет, на котором обнаружены гравировки - пряслице (рис. 1). Предмет находился в экспозиции, посвященной раннему железному веку (инвентарный номер СКМ ГИК 38620).

Исследуемый артефакт представляет собой керамическое биконическое пряслице, выполненное в форме двух усечённых конусов, соединённых широкими основаниями. Одна из конусообразных вершин предмета скошена. Ребро предмета — зона стыка конусов, формирующая наиболее широкую часть изделия — характеризуется выраженной асимметрией. С одной стороны ребро имеет плавное скругление, с противоположной стороны фиксируется чётко выраженное выступающее плечико. Сквозное отверстие, строго центрированное по продольной оси, выполнено с высокой степенью точности.

Метрические параметры изделия составляют: диаметр по ребру — 5,4×6 см; высота — 4,9 см; диаметр центрального отверстия — 1 см. Незначительная эллиптичность в плане (по ребру) дополнительно подчёркивает асимметричность формы.

Поверхность предмета покрыта развитой сетью мелких трещин, равномерно распределённых по всему объёму изделия. Зафиксирована также крупная диагональная трещина, проходящая от скошенной вершины к области ребра, что, вероятно, отражает механическое воздействие значительной силы.

Орнаментация тулова представлена системой гравировок, формирующих две обособленные сцены, чётко разделённые зоной ребра. Всего фиксируется порядка семи отдельных изображений, включающих зооморфные мотивы и антропоморфные образы. Композиционная организация декора и сочетание сюжетов указывают на наличие определённого семантического замысла.

Исследование поверхности артефакта позволило выявить ряд принципиально важных технологических характеристик. Микроморфология линий свидетельствует об использовании резца с тонким рабочим краем. Характерный треугольный профиль углубле-

Рис. 1. Керамическое пряслице: 1 – скошенный конус вверх: a – изображением змея; b – лучник №1; c – птица; 2 – скошенный конус вниз: a – повозка (?); b – лошадь №1; c – лучник №2; d – лошадь №2 (автор фото - А.М. Каирмагамбетов)

Fig. 1 Ceramic spindle whorl: 1 – beveled cone facing up: a – snake image; b – archer No. 1; c – bird; 2 – beveled cone facing down: a – cart (?); b – horse No. 1; c – archer No. 2; d – horse No. 2 (photo by A.M. Kairmagambetov)

ний — с одной пологой, скошенной стенкой и противоположной, более крутой — указывает на наклонное положение инструмента относительно обрабатываемой поверхности в процессе гравирования.

Функциональная интерпретация предмета представляется однозначной: артефакт является пряслицем стандартного типа. Наличие сквозного центрального отверстия, предназначенного для фиксации веретена, а также биконическая форма, обеспечивающая оптимальную центровку и устойчивую инерцию при вращении, полностью соответствуют его утилитарному назначению.

Гравированные изображения разделяются на две основные группы, локализованные на противоположных конусах биконической поверхности (рис. 1.2). Композиции образуют единый визуально-смысловой ряд, организованный по принципу нарративной последовательности. Они ориентированы противоположно друг другу, однако при вращении или переворачивании пряслица каждая сцена оказывается обращённой к наблюдателю в «верхней» позиции — в направлении к узкой части соответствующего конуса — и читается слева направо, по часовой стрелке.

Очерёдность рассмотрения сцен носит условный характер: в настоящем описании первой принята композиция на конусе с ровной вершиной, второй — на конусе со скошенной вершиной.

Всего на поверхности пряслица фиксируется девять основных изобразительных фигур и около шести дополнительных элементов. Средние линейные размеры фигур варьируют в пределах 2–4 см, толщина прорезных линий составляет порядка 1–2 мм, что соответствует ранее отмеченным технологическим параметрам гравировки.

Композиция 1 включает пять основных элементов (Рис. 2. 2. a): лошадь №1; группа из шести кругов и эллипсов; птица (или птенец) со сложенными крыльями; лошадь №2; лучник №1.

Дополнительно в пределах данной композиции фиксируется ряд второстепенных графических элементов: косая линия между изображением лошади №1 и группой циркульных фигур; четыре горизонтальные линии под фигурой птицы; две дуги, формирующие разомкнутый эллипс позади элемента 3; короткие штрихи, соединяющие круги и эллипсы в составе элемента 2; два небольших овала под задней конечностью лошади №2; две короткие линии перед верхней кибитью лука; короткий штрих между стрелой и фигурой лошади.

Композиция 2 представлена четырьмя элементами (Рис. 2. 2. b): змея; лучник №2; птицы №2;

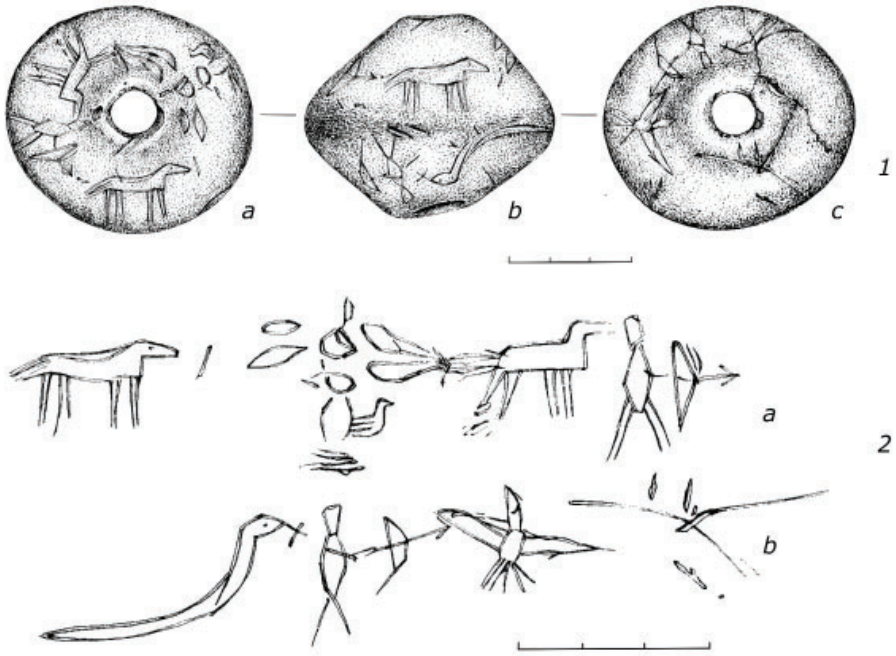

Рис. 2. Пряслице: 1 – общий вид предмета: a – вид со стороны ровной вершины; b – вид с боку; c. вид со стороны скошенной вершины; 2 – гравировки на поверхности пряслица: a – сцена на поверхности конуса с ровной вершиной; b – сцена на поверхности конуса со скошенной вершиной (автор рис. – Н. В. Волкова)
Fig. 2. Spindle whorl: 1 – general view of the object: a – view from the flat top; b – side view; c – view from the beveled top; 2 – engravings on the surface of the spindle whorl: a – scene on the surface of the cone with the flat top; b – scene on the surface of the cone with the beveled top (drawing by N.V. Volkova)

группа из восьми линий (дуговидных и прямых) различной длины и конфигурации.

Изображения лошадей (2 экз.) выполнены по единой иконографической схеме. Фигуры переданы контурно и схематично: тело массивное, с акцентированно крупной головой и укороченной шеей. Грудина обозначена в виде прямого угла, нижняя линия туловища — прямая. Конечности прямые, переданы парными вертикальными линиями. Хвосты изображены в виде широкого пучка тонких расходящихся линий. Детали, такие как грива, уши и копыта, отсутствуют.

К хвостовой части лошади № 2 примыкают две петлеобразные фигуры, ориентированные горизонтально; в зоне их сопряжения фиксируется скопление коротких штрихов, часть которых направлена вверх и вниз.

Антропоморфные фигуры лучников (2 экз.) выполнены в единой стилистике. Персонажи представлены в предельно схематизированной форме: туловище ромбовидное, голова прямоугольная или трапециевидная. Верхняя конечность обозначена одной линией и удерживает простой лук с ненатянутой тетивой и стрелой. Наконечник стрелы передан в виде стрелки. Нижние конечности варьируют: в одном случае они изображены в виде двух прямых линий, расходящихся по сторонам от туловища; в другом — их контур оформлен парными параллельными линиями, что создаёт более массивный абрис.

Изображения птиц (2 экз.) демонстрируют различия в манере исполнения. Первая птица представлена в профиль, со сложенными крыльями; её силуэт условно напоминает «утиный» тип. Перья переданы двумя параллельными горизонтальными линиями внутри контура крыла. Фигура сопряжена с двумя обращёнными друг к другу дугами, формирующими незамкнутый эллипс, открытый сверху и снизу.

Вторая птица выполнена иначе: она изображена с распростёртыми крыльями, вытянутой вверх шеей и расширяющимся книзу хвостом. Туловище имеет прямоугольную форму; крылья длинные, сужающиеся к концам. Хвост состоит из шести коротких линий, расходящихся веерообразно. Голова отделена от шеи короткой поперечной линией; клюв острый, направлен влево. Над крыльями, от области шеи, отходят короткие штрихи различной длины.

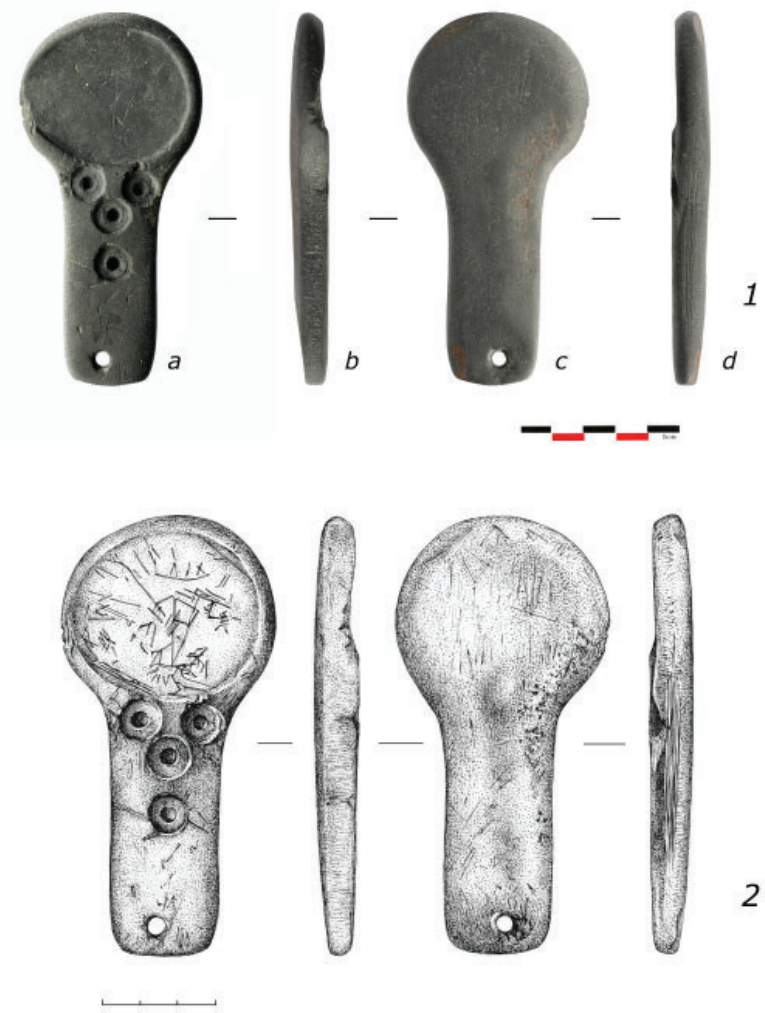

Рис. 3. Предмет невыясненного назначения: 1 – фото: a – узкая сторона с понижением бортика; b – широкая передняя сторона с основными элементами; c – задняя сторона; d – вторая узкая часть со следами сработанности на ручке (автор фото – А.М. Каирмагамбетов); 2 – рисунок ПНН (автор рис. – Н. В. Волкова)

Fig. 3. Object of undetermined purpose: 1 – photo: a – narrow side with a lowered rim; b – wide front side with the main elements; c – back side; d – second narrow part with wear traces on the handle (photo by A.M. Kairmagambetov); 2 – drawing of the object of undetermined purpose (drawing by N.V. Volkova)

Изображение змеи. Фигура рептилии характеризуется удлинённым массивным туловищем и крупной овальной головой. Хвост утолщённый, постепенно сужающийся к острому окончанию. Глаз обозначен точечным углублением. Из передней части головы, имеющей заострённую треугольную форму, исходит язык, переданный в виде крестообразного элемента. Верхняя часть туловища отделена прямой чертой; данный участок приподнят относительно основной оси тела и в области головы ориентирован вертикально, в результате чего всей фигуре придаётся характерная дугообразная конфигурация.

Второй предмет неустановленного функционального назначения выполнен из тёмного песчаника и экспонировался в разделе, посвящённом раннему железному веку (инвентарный номер – СКМ ГИК – 2050). Согласно сопроводительной информации, он был передан в дар музею М.П. Пейсяховым в 1883 г. На момент исследования предмет находился в неудовлетворительном состоянии сохранности. Его поверхность была неравномерно покрыта слоями лака и клеевых веществ.

Необходимость подготовки предмета к фотофиксации для включения в каталог, а также выявления потенциально значимых технологических и декоративных признаков обусловила проведение комплекса очистительных мероприятий. В результате расчистки и последующего визуально-трасологического анализа удалось уточнить морфологию изделия, выявить ранее скрытые элементы декора,

а также зафиксировать особенности повреждений и следов использования (рис. 3: 1).

Длина предмета — 11,3 см; размеры округлой части, имеющей форму уплощённой чаши или блюдца — 4,7×5,5 см; максимальная ширина бортика — 0,4 см. Длина рукояти составляет около 6,6 см, ширина — 2,8 см, толщина достигает 1 см. Диаметр сквозного отверстия в рукояти — 0,44 см. Диаметр углублений, предположительно предназначенных для металлических вставок, около 1 см при глубине порядка 0,35 см. Масса изделия — 87 г.

В конструктивном отношении отчётливо выделяются две функционально различные части изделия: тулово, оформленное в виде неглубокой плоской чаши, и вытянутая часть — рукоять (рис. 3). Тулово изделия имеет в целом округлый внешний абрис, однако внутренняя часть, ограниченная бортиком и образующая функциональную ёмкость, характеризуется яйцевидной конфигурацией. В центральной части, а также ближе к зоне перехода к рукояти, фиксируются визуально различимые гравированные изображения.

В нижней части рукояти, несколько смещённо относительно продольной оси изделия, расположено сквозное отверстие, края которого демонстрируют признаки износа.

В верхней части рукояти, вблизи тулова, расположены четыре просверлённых углубления, организованные в конфигурацию, условно напоминающую букву ***Y***. Все выемки типологически однородны: они имеют широкие округлые устья с чётко оформленными краями и стенками, в центре которых проходят узкие и глубокие каналы (рис. 4: a). После очистки на гранях выемок были выявлены следы зелёной окиси. Вероятно, они являются остатками коррозии металлических заклёпок (рис. 4: b). Помимо этого, зафиксированы сколы, образовавшиеся, в результате их извлечения (рис. 4: c).

На оборотной стороне тулова отчётливо прослеживаются многочисленные повреждения (рис. 5).

Первый тип представлен длинными вертикальными царапинами, сгруппированными в параллельные ряды. Их длина внутри одной группы в отдельных случаях достигает 1,5 см (рис. 5: 1a). Второй тип близок к первому, однако отличается диагональной ориентацией: линии направлены от верхнего левого края к правому нижнему (рис. 5: 1b). Ширина царапин различная, но, как правило, не превышает 1,5 мм. На отдельных участках наиболее широких борозд фиксируются мелкие каверны-углубления. Третий тип представлен тонкими дуговидными царапинами. Они разнонаправленны и могут располагаться вертикально, горизонтально или диагонально, что указывает на сложную траекторию воздействий (рис. 5: 1c). Четвёртый тип включает каверны и полости различной формы (рис. 5: 1d).

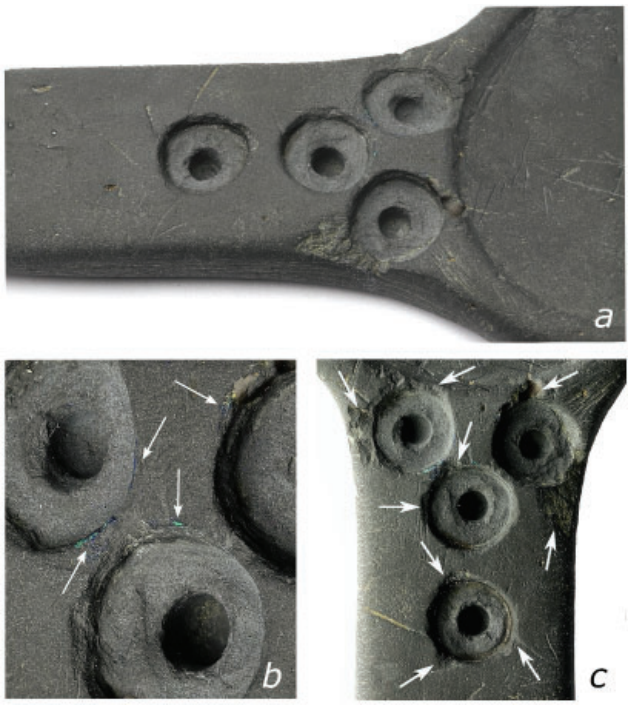

Рис. 4. Фрагмент изделия: a. выемки под заклёпки; b – остатки зелёной окиси на гранях; c – сколы от изъятия заклёпок (автор илл. – С. А. Ярыгин)
Fig. 4. Fragment of the item: a – rivet flutes; b – remains of green oxide on the edges; c – chips from the removal of rivets (illustration by S.A. Yarygin)

На ручке изделия и в верхней части бортика имеются множественные глубокие порезы, а также участки сточенной поверхности. Характер этих повреждений позволяет интерпретировать их как результат воздействия узкого и острого инструмента.

В бортике располагается выемка, расположенная в наиболее узкой части ёмкости. Конструктивно этот элемент, по-видимому, выполнял роль своеобразного сливного или ссыпного канала, облегчая контролируемое перемещение содержимого наружу.

На дне ёмкости фиксируется значительное количество порезов и царапин как естественного, так и искусственного происхождения. Часть этих следов, по-видимому, связана с утилитарным использованием предмета и

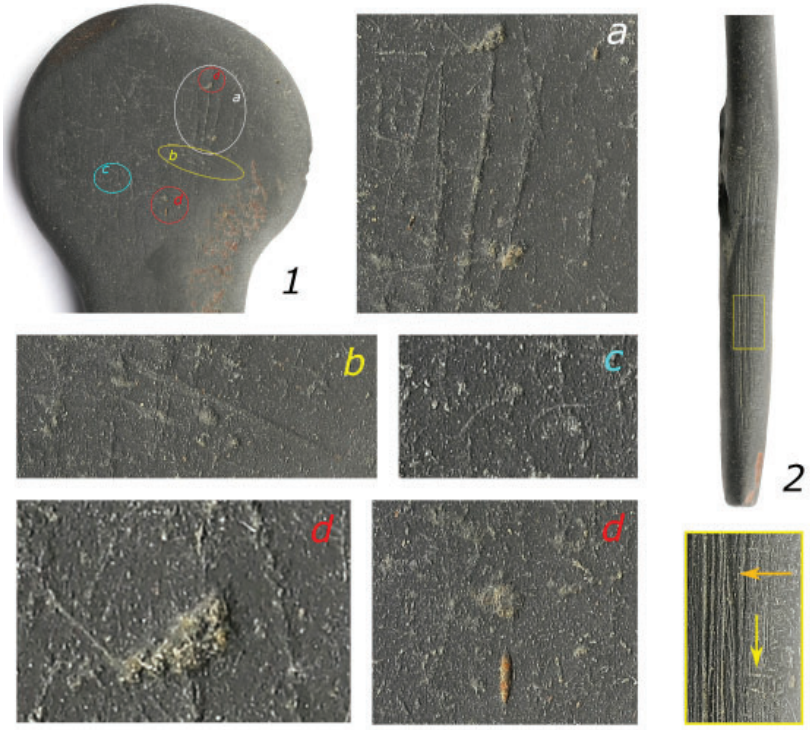

Рис. 5. Предмет невыясненного назначения в виде «зеркала»: 1 – задняя поверхность емкости: a – вертикальные царапины; b – диагональные царапины; c – дуговидные царапины; d – каверны; 2 – боковая грань предмета с глубокими следами сработанности и участок с горизонтальными неглубокими царапинами (автор илл. – С.А. Ярыгин)

Fig. 5. Object of undetermined purpose in the shape of a "mirror": 1 – rear surface of the vessel: a – vertical scratches; b – diagonal scratches; c – arc-shaped scratches; d – caverns; 2 – side edge of the object with deep wear traces and a section with shallow horizontal scratches (illustration by S.A. Yarygin)

отражает процессы его эксплуатации. В то же время отдельные группы линий образуют осмысленные композиции, которые следует интерпретировать как элементы художественной гравировки (рис. 6: 1). Наиболее отчётливо выделяются две схематические фигуры, образующие композиционный центр изображения (рис. 6: 2).

В центральной части дна размещено крупное изображение кинжала, ориентированного остриём вниз, в сторону рукояти предмета. В его структуре уверенно читаются основные конструктивные элементы. Клинок имеет вытянутую треугольную форму и в верхней части пересечён короткой перпендикулярной линией. Контур клинка выполнен двумя различными по характеру линиями, которые сходятся в области острия, при этом частично выходя за пределы очерченной фигуры. Верхняя, расширенная часть клинка имеет скошенный край.

Перекрестие выражено слабо и обозначено короткой поперечной линией с левой стороны. С правой стороны оно формирует клиновидное сопряжение с линией клинка, что может свидетельствовать о попытке передать объём или конструктивную сложность детали. Рукоять короткая, передана двумя параллельными линиями, навершие показано в виде длинной линии (рис. 6: 3a).

Ниже изображения кинжала расположена фигура животного, предположительно лошади (рис. 6: 3b). На гравировке уверенно распознаются основные анатомические части: туловище, голова, хвост и конечности. Голова треугольной формы, внутри которой проведены две линии, вероятно, обозначающие морфологические детали (например, разделение морды или стилизацию узды), точечное углубление, интерпретируется как глаз. Голова приподнята над линией спины и ориентирована вправо.

Совокупность наблюдений позволяет высказать некоторые суждения. Наличие ёмкости со следами стёртых со временем гравировок указывает на возможность использования её для приготовления жидких или рассыпчатых веществ. Следы износа на обратной стороне, интерпретируемые как результат абразивного воздействия, согласуются с операциями растирания плотных, но хрупких материалов, к числу которых могли относиться минеральные пигменты. Кроме этого, зафиксированы следы использования, связанные с заточкой острых предметов. Таким образом, в рамках одного ритуального комплекса предмет мог выполнять несколько взаимосвязанных функций: служить абразивной поверхностью, ёмкостью для смешивания и инструментом для подготовки вещества к

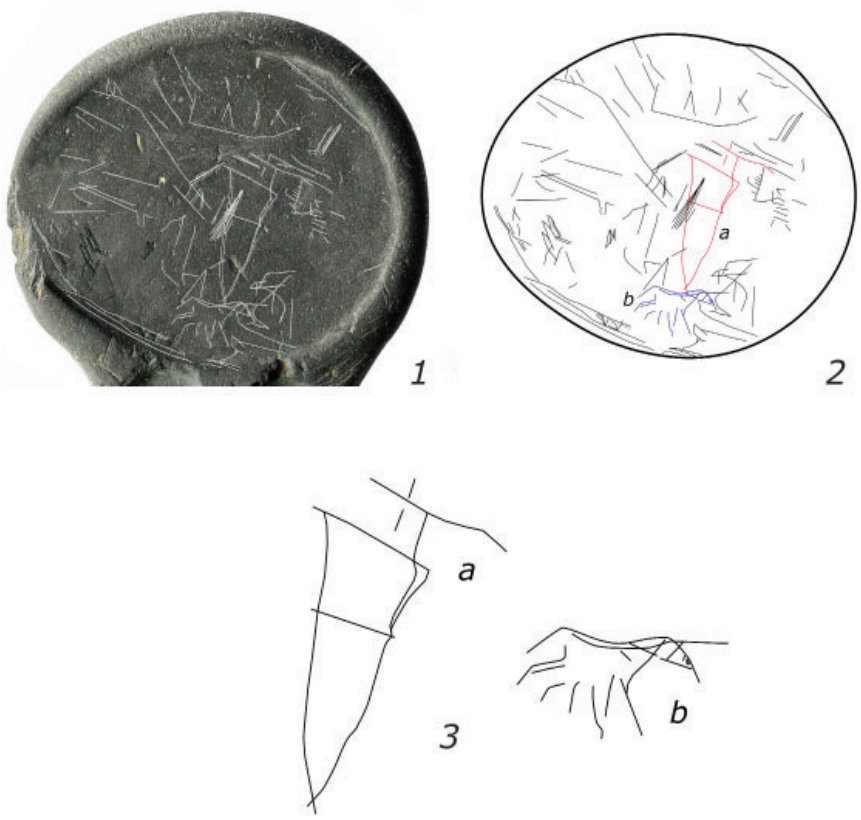

Рис. 6. Фрагмент ПНН с гравировки на внутренней поверхности емкости: 1 – прорисовка по предмету; 2 – основные выявляемые изображения; 3. a – нож; b – животное (автор илл. – С.А. Ярыгин)
Fig. 6. Fragment of the object of undetermined purpose with engravings on the inner surface of the vessel: 1 – tracing of the object; 2 – main identifiable images; 3. a – knife; b – animal (illustration by S.A. Yarygin)

ритуальной акции. Степень износа позволяет предположить, что эти действия имели периодически воспроизводимый характер.

Обсуждение

Пряслица биконической формы вполне стандартны для раннего железного века и поздней древности и являются частыми находками. Однако форма и наличие сюжетной гравировки представляют редкое сочетание. Прямые аналогии обнаруживаются в погребениях первых веков нашей эры могильников предгорного Крыма — Усть-Альма (3) (Рис. 7.1, 2, 3), Заветное (3), Скалистое III (1), Черноречье (3), Неаполь (1), «Совхоз 10». Известны подобные находки в могильниках Бельбек IV, Брянское.

Эти изделия, как правило, фиксируются в женских погребениях; в пределах одной могильной ямы обычно обнаруживается один-два экземпляра, значительно реже — большее количество. Параметры пряслиц достаточно стандартизированы: средняя высота составляет около 2,0 см, диаметр — около 2,2 см, при незначительных вариациях.

Материалы из могильников Усть-Альма и Бельбек IV демонстрируют сходную технологию декорирования: изображения наносились после обжига тонким острым инструментом по плотной, хорошо лощёной поверхности. Сюжетный репертуар гравировок в целом однообразен и устойчив. Наиболее распространены схематизированные изображения копытных животных — оленей или козлов. Данные памятники датируются интервалом от конца I в. н. э. до первой половины III в. н. э. При этом вопрос о месте их производства остаётся дискуссионным: исследователи не пришли к единому мнению, изготавливались ли эти изделия локально или поступали в регион посредством обменных и культурных контактов (Труфанов, 2019, с. 282–299; Яценко, 2018. с. 98–117).

Отсутствие чёткого археологического контекста для восточноказахстанской находки существенно осложняет её интерпретацию.

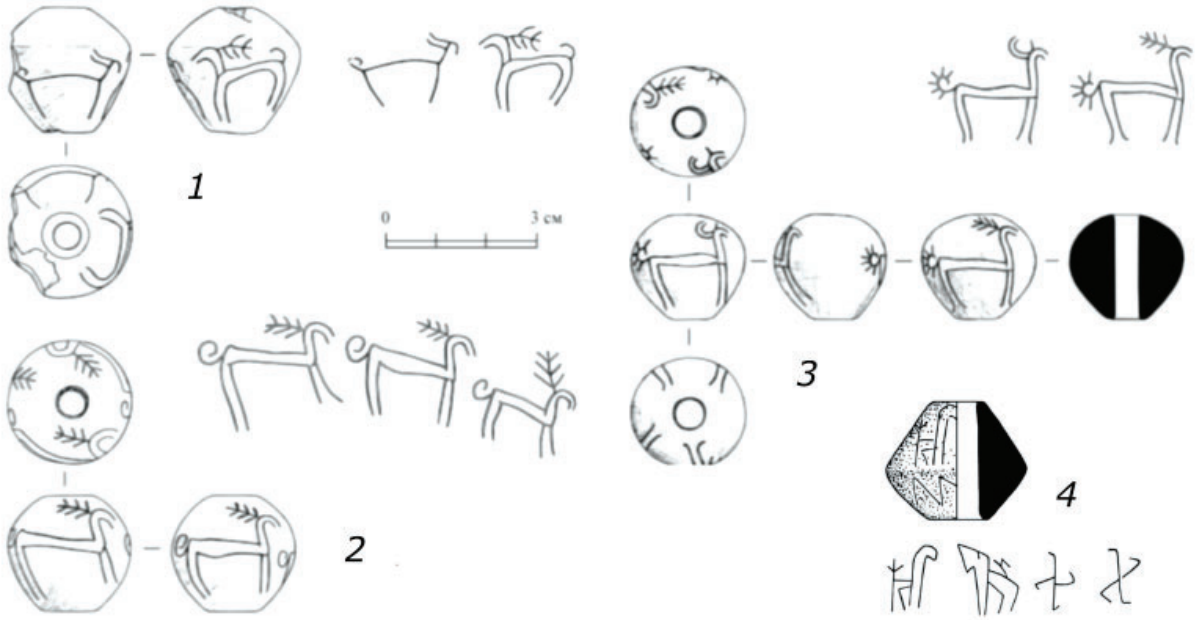

Рис. 7. Гравированные пряслица: 1 – некрополь Усть-Альминского городища, могила №53; 2 – некрополь Усть-Альминского городища, склеп №120; 3 – некрополь Усть-Альминского городища, могила №1124
Fig. 7. Engraved spindle whorls: 1 – necropolis of the Ust-Alma settlement, burial No. 53; 2 – necropolis of the Ust-Alma settlement, vault (crypt) No. 120; 3 – necropolis of the Ust-Alma settlement, burial No. 1124

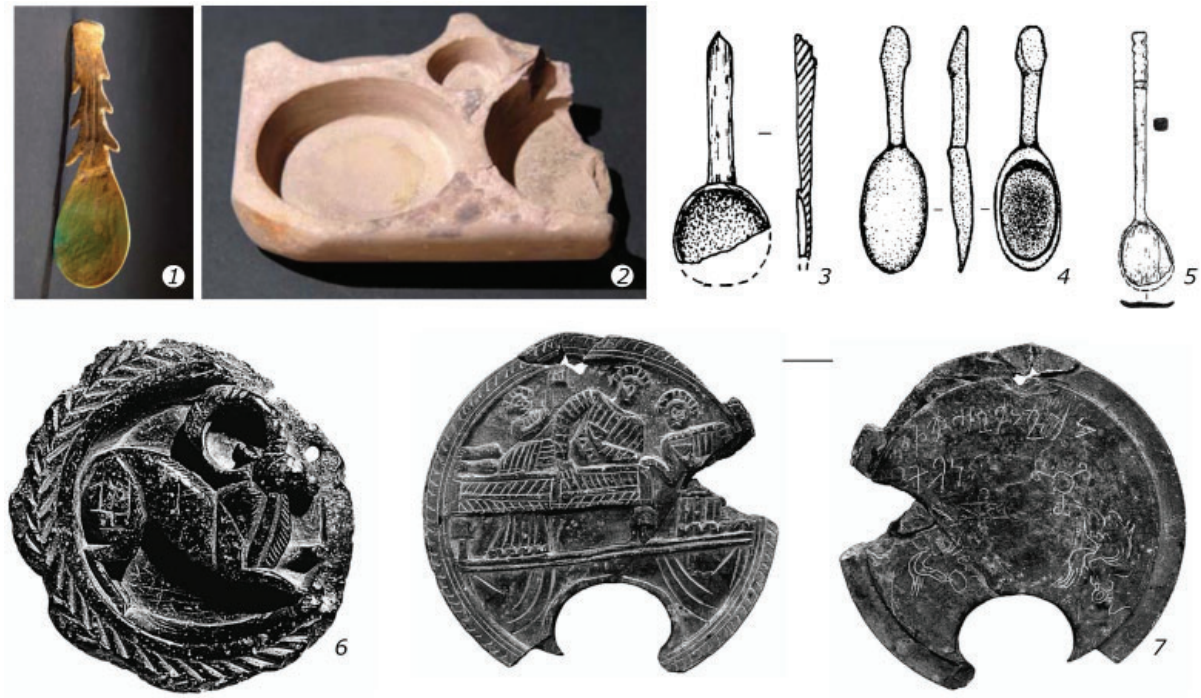

Рис. 8. Ложечки и палитры: 1-2 – Филипповка 1, 15/4 (по: Яблонский Л.Т., 2013, №1972, 1973); 3 – Лебедевка VII, 19/2;4. Булдурта I, 5; 5 – Гумарово, 2/1 (по: Федоров В.К., 2013); 6 – палитра с изображением козла и знака на его бедре; 7 – палитра с гравированными фигурами птиц, надписью и тамгообразным знаком (по: Falk H., 2010, Fig. 4, 10). 1-5 – Южное Приуралье; 6-7 – Гандхара
Fig. 8. Spoons and palettes: 1-2 – Filippovka 1, 15/4 (after: Yablonsky L.T., 2013, No. 1972, 1973); 3 – Lebedevka VII, 19/2; 4 – Buldurta I, 5; 5 – Gumarovo, 2/1 (after: Fedorov V.K., 2013); 6 – palette depicting a goat with a sign on its thigh; 7 – palette with engraved bird figures, an inscription and a tamga-like sign (after: Falk H., 2010, Fig. 4, 10). 1-5 – Southern Urals (Southern Urals region); 6-7 – Gandhara

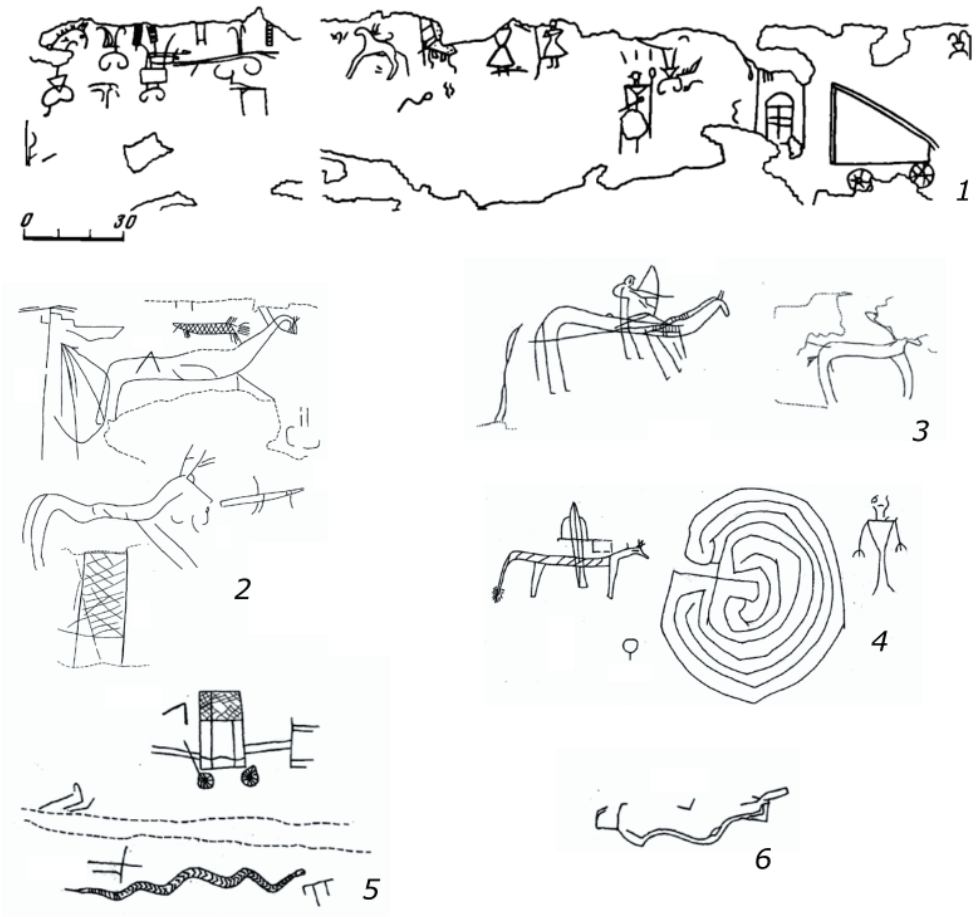

Рис. 9. Гравировки Байте III: 1 – композиция с лошадью и оленем; 2 – композиция со сценой охоты всадника; 3 – композиция с лабиринтом; 4 – композиция с повозкой и змеей; 5 – изображение змеи (по: Яценко, 2017)
Fig. 9. Engravings of Bayte III: 1 – composition featuring a horse and a deer; 2 – composition featuring a scene of a horseman hunting; 3 – composition with a labyrinth; 4 – composition featuring a cart and a snake; 5 – depiction of a snake (after: Yatsenko, S. A., 2017)

Тем не менее, выявленные типологические и иконографические аналогии позволяют с определённой долей уверенности отнести её к кругу описанных изделий.

Второй предмет более уникальный. На современном этапе исследования прямые типологические аналогии ему не выявлены. Наиболее продуктивной представляется интерпретация данного изделия в качестве ритуального предмета, что находит опору в сопоставлении с сарматскими комплексами содержащими ряд ритуально значимых предметов — ложечки, каменные палитры и жертвенники (рис. 8: 1, 2) (Яблонский, 2008, с. 194–207; пис. 2). По общей форме наиболее близкие к ПНН находки в могильниках: Лебедевка VII 19/2; Булдурта I, кург. 5; Гумарово 2/1 (рис. 8: 3, 4, 4) (Федоров, 2013, с. 44–61, рис. 2).

Похожие по морфологии каменные палетки известны по находкам в Гандхаре. Основными центрами концентрации являются Таксила, отдельные пункты в районе Чарсадды (Пешавар) и долина Сват. Они представляют собой небольшие вогнутые блюда, как правило, округлой формы. Диаметр большинства экземпляров составляет около 10 см. Практически все изделия украшены рельефными изображениями или гравированным орнаментом на внутренней поверхности. Существуют две основные интерпретационные модели - утилитарная и ритуальная, которые включают возможное использование для приготовления или нанесения косметических составов (рис. 10: 6, 7). Активное использование данных изделий начинается примерно в 80–70-х гг. до н. э. и продолжается вплоть до времени правления кушанского царя Васудевы (III в. н.

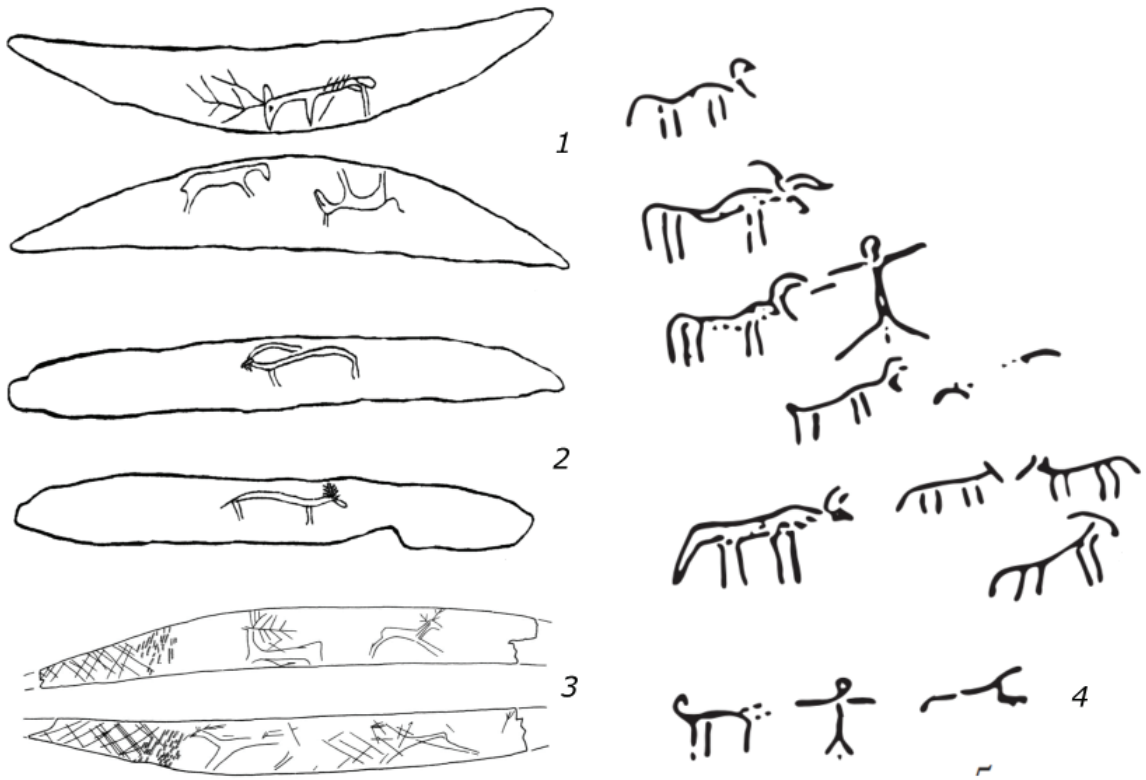

Рис. 10. Гравированные изображения хуннуского времени: 1 – Яломан-II; 2 – Кок-Паш (по: Штанов Е.С., 2008); 3 – Аймырлыг (по: Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У., 1992); 4 – Цагаан Элэгийн Хад (по: Батболд Н., 2022)
Fig. 10. Engraved images of the Xiongnu period: 1 – Yaloman-II; 2 – Kok-Pash (after: Shtanov E.S., 2008); 3 – Aymyrlyg (after: Mandelshtam A.M., Stambulnik E.U., 1992); 4 – Tsagaan Elegiin Khad (after: Batbold N., 2022)

э.) (Falk, 2010, pp. 89-113; Nikolaou, 2023, pp. 1–6).

Дополнительно о хронологии предметов из музея г. Семей свидетельствует иконографический анализ гравированных изображений. Как сказано выше наиболее близкие параллели прослеживаются на гравировках пряслиц из Крыма. Для них характерна высокая степень схематизации: тела животных переданы в виде двух параллельных линий, позы преимущественно статичны, второстепенные детали редуцированы. Показательно совпадение отдельных морфологических элементов: грудная часть у лошадей, оленей и козлов оформлена в виде выраженного прямого угла; ноги переданы горизонтальными параллельными линиями, при этом копыта, как правило, отсутствуют (Труфанов, 2019, с. 282–299).

Представительный круг аналогий фиксируется на памятнике Байте III, расположенном на северо-западном уступе плато Устюрт. Иконографический репертуар памятника отличается разнообразием и включает несколько сюжетных групп: изображения всадников (в том числе вооружённых луком), статичные антропоморфные фигуры, фигуры животных (змеи, рыбы, козлы, олени), а также кибитки, знамёна, лабиринтообразные композиции и отдельные знаки (Рис. 9. 1–5) (Яценко С.А., 2017, с. 269–279). В дополнение можно отметить наличие в Байте III редких гравированных изображений змей. Они выполнены с передачей полного, волнообразно изгибающегося тела при акцентированном обозначении головы (Рис. 9. 4, 5) (Яценко, 2017, с. 269–279).

В восточных районах Центральной Азии гравированные изображения в схематическом стиле, также получают широкое распространение в пределах II в. до н.э. – IV в. н. э. В кургане № 62 ранней группы могильника Яломан-II (II–I вв. до н. э.) зафиксирован комплект из шести роговых накладок, в центральной части которых выгравированы зооморфные фигуры (Рис. 10. 1) (Горбунов, Тишкин, 2006, с. 79–85; рис. 2–4). Сходные по стилистике изображения зафиксированы на костяных накладках от лука из могильника Кок-Паш в Юго-Восточ-

ном Алтае (III–IV вв. н. э.). Фигуры на накладках демонстрируют сходные принципы схематизации и линейной редукции формы (Рис. 10. 2). Близкие по стилю изображения известны в наскальном искусстве (Штанов, 2008, с. 232–235, рис. 1–3).

В Туве они известны по материалам исследования могильника Аймырлыг (Рис. 10. 3) (Стамбульник, 1979, с. 145–147, Рис. 1; Мандельштам, Стамбульник, 1992, С. 200, 432, табл. 82, 21). В Монголии подобные фигуры выявлены на костяной накладке лука из Бага Газрын Чулуу и среди петроглифов Цагаан Элэгийн Хад в аймаке Сухбаатар (Рис. 10. 4) (Амгалантөгс, Амартүвшин, 2005, с. 88–95; Батболд, 2022, с. 135, Рис. 13).

Рассмотренные аналогии позволяют с достаточной степенью обоснованности включить изображения на пряслице и ПНН в единый иконографический и культурный контекст, связанный с художественными традициями сарматского и хуннского времени.

Заключение.

Проведённое исследование позволило уточнить культурно-хронологическую принадлежность рассматриваемых предметов и предложить их интерпретацию на основе комплексного анализа морфологических, трасологических и иконографических признаков. Введение в научный оборот ПНН, не имеющего прямых типологических аналогий, представляет самостоятельную научную значимость.

Функциональная принадлежность пряслица сомнений не вызывает, тогда как назначение ПНН остаётся дискуссионным. Выявленные признаки — наличие углублений, следы абразивного износа и возможного термического воздействия — позволяет интерпретировать его как предмет ритуального назначения. Наиболее обоснованной представляется его полифункциональная трактовка как сочетания палитры, портативного жертвенника и оселка. Вероятно, предмет использовался для растирания, смешивания и, возможно, нагревания различных веществ, а также для подготовки инструментов. Это допускает его связь с практиками, включающими обработку пигментов и телесные манипуляции. Иконографический анализ выявил комплекс признаков, характерных для линейно-схематической традиции искусства кочевников Евразии: обобщённость форм, редукция деталей, передача туловища животных в виде двух параллельных линий, вариативность отдельных элементов. Выявленные параллели ещё раз показывают существование широкого культурного горизонта, в рамках которого происходил обмен не только вещами, но и образами, сюжетами и изобразительными приёмами. Рассматриваемые находки, вероятно, являются локальными проявлениями этой надрегиональной традиции, сформировавшейся в условиях высокой мобильности кочевнических обществ сарматского и хуннского времени.

Применение ИИ: Использование искусственного интеллекта: применялся инструмент OpenAI ChatGPT (GPT-5.6 Sol) для исправление грамматических и стилистических ошибок. Авторы подтверждают, что научное содержание и выводы выполнены самостоятельно.

ЛИТЕРАТУРА

Амгалантөгс Ц., Амартүвшин Ч. Нумын наалтан дээрх сараачмал хэдэн дүрс // Археологийн судлал. 2005. Т. 23. С. 88–95 (на монг. яз.).

Батболд Н. Петроглифы древних хунну в Монголии // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2022. № 2. С. 130–144.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2006. 232 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннуской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 4. С. 79–85.

Мандельштам А.М. Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. Т. 10 / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 107–115.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. Т. 10 / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992.. С. 196–205.

Мерц В.К. Знаковая система периода поздней бронзы Казахстана // Комплексные результаты археологических исследований в Таджикистане: тезисы докладов / Отв. ред. А.А. Тишкин. Душанбе; Барнаул: Алт. гос. ун-та, 2024. С. 31–32.

Мерц В.К. Некоторые южные элементы в культуре степной бронзы и их влияние на сложение бегазы-дандыбаевских комплексов (по материалам Прииртышья) // Материалы Международной научно-практической конференции с зарубежным участием «Историческая наука сегодня: современные тренды и новые вызовы» / Отв. ред. Д.Т. Шашенов, Д.Б. Умиткалиев. Караганда: КарГУ, 2023. С. 93–99.

Стамбульник Э.У. Новые памятники изобразительного искусства послескифского времени из Центральной Тувы // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: тез. докл. Всесоюзн. археол. конф. (г. Кемерово, 14–17 ноября 1979 г.) / Отв. ред. В.Н. Добжанский. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1979. С. 145–147.

Труфанов А.А. Пряслица с изображениями животных из варварских могильников предгорного Крыма // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. 5 / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016. С. 122−165.

Федоров В.К. Костяные ложечки в колчанах ранних кочевников // РА. 2013. № 2. С. 44–61.

Штанов Е.С. О методике выделения наскальных изображений Горного Алтая хуннского времени // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5 (60). С. 232–235.

Яблонский Л.Т. Новые материалы к проблеме формирования культуры ранних кочевников Южного Приуралья // Вопросы археологии Урала. 2008. Вып. 25. С. 194–207.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

Яценко С.А. Искусство у порога иного мира // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2017. № 10–2. С. 269–279.

Яценко С.А. Заметки по планиграфии усть-альминского некрополя в крымской Малой Скифии // МАИАСК. 2018. № 10. С. 98–117.

Falk H. Libation Trays from Gandhara // Bulletin of the Asia Institute. New Series. 2010. Vol. 24. P. 89–113.

Nikolaou C. An Updated List of Gandhara Palettes and Their Utility for the Study of Hybridity // Journal of Open Humanities Data. 2023. Vol. 9. № 7. P. 1–6. DOI: https://doi.org/10.5334/johd.105

Информация об авторах:

Ярыгин Сергей Александрович, PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Астана, Республика Казахстан); sergeyyarygin80@gmail.com

Мерц Виктор Карлович, к.и.н., директор, Центр археологических исследований Торайгыров университета (г. Павлодар, Республика Казахстан); v_merz@mail.ru

Каирмагамбетов Архат Мирхатович, PhD докторант, научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана (г. Астана, Республика Казахстан); kairmagambetov.arhat@mail.ru

Жунисханов Айдын Сенгалевич, PhD докторант, ассистент преподавателя, Школа естественных, социальных и гуманитарных наук Назарбаев Университета (г. Астана, Казахстан); aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz

REFERENCES'

Amgalantugs, Ts., Amartuvshin, Ch. 2005. In *Studia Archaeologica* 23, 88–95 (in Mongolian).

Batbold, N. 2022. In *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii (Multidisciplinary Studies in Archaeology)* (2), 130–144 (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie). (Altai Population's Military Science in 3th – 4th Century A.D. Part II. Offensive weaponry (arms))*. Barnaul: State University (in Russian).

Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2006. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (4), 79–85 (in Russian).

Mandel'shtam, A. M. 1992. In Moshkova, M. G. (ed.). *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (The Steppe Belt of the Asian Part of USSR in the Scythian and Sarmatian Time)*. Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 10. Moscow: "Nauka" Publ., 107–115 (in Russian).

Mandel'shtam, A. M., Stambulnik, E. U. 1992. In Moshkova, M. G. (ed.). *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (The Steppe Belt of the Asian Part of USSR in the Scythian and Sarmatian Time)*. Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 10. Moscow: "Nauka" Publ., 196–205 (in Russian).

Merts, V. K. 2024. In Tishkin, A. A. (ed.). *Kompleksnye rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy v Tadzhikistane (Comprehensive results of archaeological research in Tajikistan).* Dushanbe; Barnaul: Altai State University, 31–32 (in Russian).

Merts, V. K. 2023. In Shashenov, D. T., Umitkaliev, D. B. (eds.). Istoricheskaya nauka segodnya: sovremennye trendy i novye vyzovy (*Historical Science Today: Modern Trends and New Challenges).* Karaganda: Karaganda State University, 93–99 (in Russian).

Stambulnik E. U. 1979. In Dobzhansky V. N. (ed*.). Problemy skifo-sibirskogo kul'turno-istoricheskogo edinstva (Issues of Scythian-Siberian cultural and historical unity).* Kemerovo: Kemerovo State University, 145–147 (in Russian).

Trufanov, A. A. 2019. In Khrapunov, I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.) (The Crimea in the age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)).* Vol. 5. Simferopol: "IP Brovko A. A." Publ., 282–299 (in Russian).

Fedorov, V. K. 2013. In *Rossiiskaia Arkheologiia* (*Russian Archaeology*) 2, 44–61 (in Russian).

Shtanov, E. S. 2008. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 60 (4–5), 232–235 (in Russian).

Yablonsky, L. T. 2008. In *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 25, 194–207 (in Russian).

Yablonsky, L. T. 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdey. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.). Katalog kollektsii (Gold of Sarmatian chiefs. The elite necropolis of Filippovka 1 (following the 2004–2009 excavation materials). Catalogue of the collection).* Book 1. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Yatsenko, S. A. 2017. In *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya» (RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Teory. Linguistics. Cultural Studies", Series).* 10–2, 269–279 (in Russian).

Yatsenko, S. A. 2018. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Materials on archeology and history of ancient and medieval Crimea)* 10, 207–242 (in Russian).

Falk, H. 2010. In *Bulletin of the Asia Institute. New Series* 24, 89–113.

Nikolaou, C. 2023. In *Journal of Open Humanities Data* 9 (7), 1–6. Doi: 10.5334/johd.105

About the Authors:

Yarygin Sergey A. PhD. Margulan Institute of Archeology, 25 Beibitshilik street, Astana, Republic of Kazakhstan; sergeyyarygin80@gmail.com

Merz Viktor K. Candidate of Historical Sciences. Director of the Center for Archaeological Research at Toraighyrov University Lomov str. 64, Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan.; v_merz@mail.ru

Kairmagambetov Arkhat M. PhD. Margulan Institute of Archeology, 25 Beibitshilik street, Astana, Republic of Kazakhstan; kairmagambetov.arhat@mail.ru

Zhuniskhanov Aidyn S. PhD. School of Sciences and Humanities, Nazarbayev University Republic of Kazakhstan, 010000, Astana, Kabanbai batyr Avenue, building 53; aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz

Статья поступила в журнал 30.11.2025 г.
Статья принята к публикации 14.04.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу